

З. Надь
Венгрия, Печ
Университет г. Печ

Параллельные истории жизни. Переселенцы и ханты в Западной Сибири

1930-50-е годы на территории Советского Союза являются годами сталинских репрессий. Аналогично демографическим данным современный образ области и района формируется сегодня через призму репрессий. Не подвергающийся сомнению ужас переселений, о которых десятилетиями нельзя было говорить, сегодня играет заметную роль в формировании местной идентичности. Это действительно драматическое событие, превратилось в так называемую «культурную травму», определяющую территориальную память и политические дискурсы. Бытующая в наше время «мастер-нарратива» памяти спецпереселений говорит только о страданиях переселенных народов. В этой истории страданий, в истории «васюганской Голгофы» нет места коренным жителям, проживавшим здесь еще до спецпереселений. Между тем, и для них серьёзным потрясением было время переселений. Хантыйские деревни разрослись за счет спецов, на их кладбищах, охотничьих и рыболовных территориях построили деревни, на охотничьих угодьях вырубали леса. Они за немногим более чем одно десятилетие превратились из подавляющего большинства в ничтожное меньшинство, по сути дела растворились в ставшем большинством обществе, основанном на них.

В личных воспоминаниях хантов и переселенцев есть существенное расхождение, ведь известно, что именно различный общественный опыт, точнее, его различный политический вес является тем, что ведет к общественной амнезии. По мнению же Ренана, национальную – в данном случае региональную – идентичность определяет диалектика памяти и забвения: история хантов предаётся забвению, чтобы лучше помнилась история переселений. Может быть, лучше представляет эту ситуацию Алеида Ассманн, по словам которой, память переселенцев является частью функциональной памяти, коллективной памятью, подкрепленной памятью индивидуальной, памятью, обуславливающей гомогенную идентичность данного региона, объединяющей, способной мобилизовать людей, служащей отправной точкой в современных политических вопросах, и определяющей характер политических и культурных дискурсов. Память же коренных жителей является частью накопительной памяти, так как она существует только в личных воспоминаниях, не обладающих политическим потенциалом, переходит в пассивное состояние, не может быть частью национальной – в данном случае областной – идентичности, и даже, возможно, противоположна ей. Воспоминания коренных жителей, хантов, таким образом, немые свидетельства, они замалчиваются на всех местных форумах, и следа их нет в дискурсах об «отечестве» и «родине».

Таким образом, воспоминания спецпереселенцев и хантов представляют собой конкурирующие дискурсы, исключаящие друг друга. Хотя на уровне

индивидуальной памяти комплементарное прошлое двух дискурсов абсолютно неоднозначно, так как воспоминания хантов и спецпереселенцев имеют бесчисленное количество совпадений. Эпоха переселений для обоих народов является историей мученичества, оба народа являются частью «васюганской Голгофы». Оба народа во главу угла ставят в первую очередь собственные мучения, признавая, или скорее даже не признавая хождение по мукам другой стороны, как будто бы два вида мучений соревнуются друг с другом. На самом же деле две истории не противоречат, а дополняют друг друга.

Предметом анализа в моем докладе стали только устные воспоминания. Этот анализ является результатом моей приблизительно двухлетней полевой работы на Васюгане, проводившейся между 1992 и 2012 годами, и основывается на связанном с этой темой огромным количеством дневниковых записей, а также материалах почти 50-часовых магнитофонных записей. Я имел возможность разговаривать в первую очередь с теми, кто ребёнком пережил период переселений - так как к тому времени более 70 лет отделяло период переселений от воспоминаний о них – а также с теми, кто происходил из семей спецпереселенцев. Мои собеседники и сегодня живут на территории интересующего меня более всего Каргасогского района, либо родом оттуда, то есть их переселили на территории вдоль Васюгана.

Взаимоотношения переселенцев и хантов почти во всех случаях описываются как мирные. Сами переселенцы так же оценивают эти отношения, иногда даже подчеркивая, что их взаимоотношения с хантами были более гармоничными, чем с русскими, которые еще до переселений добровольно поселились на реке Васюган. Несмотря на мирные взаимоотношения, мы часто встречаемся с такими текстами, согласно которым каждая сторона имеет серьёзные предубеждения, стереотипы относительно другой стороны. Переселенцы связывали с хантами резко отличающийся от их собственного образа жизни, рыболовство и охоту, который, несмотря на то, что часто обеспечивал им выживание, считался примитивным в их глазах. Кочевой, лесной образ жизни переселенцы всегда связывают с хантами, резко противопоставляя его оседлому деревенскому образу жизни русских. Переселенцы считали хантов отличными рыболовами и охотниками как обычно идеализированных детей природы, и связывали с ними необыкновенное богатство и девственность природы. Ханты, напротив, считали переселенцев «врагами народа», приняли их как преступников, благодаря предварительной работе государственной пропаганды, постоянно стремившейся ограничить связь переселенцев со всеми прочими местными жителями. Естественно, это затруднило первые встречи, и необходимо было время, пока ханты смогли перешагнуть через это.

Важнейшей темой представляется мысль о том, что без помощи хантов спецпереселенцы не смогли бы выжить. Эта помощь в одном случае кажется бескорыстной, в другом – расчетом на взаимную выгоду, в третьем – постоянными домогательствами, омрачающими повседневную жизнь. Здесь также необходимо остановиться и на вопросе смешанных браков.

Следующая тема – попытки переселенцев к бегству. Важнейшее направление вело через Васюганское болото на запад, юго-запад. В удачных и неудачных попытках ханты играют роль руководителей, рискуя при этом своим здоровьем. Другой частый мотив: семьи беженцев редко решались вести с собой через болото в зимний мороз маленьких детей, поэтому оставляли их местным переселенцам или хантам в надежде, что смогут вернуться за ними позже. Однако большая часть этих детей выросла в приютах.

Наконец, предметом анализа является и вопрос о том, какие возможности оценки периода переселений содержатся в воспоминаниях хантов. Как бы это ни казалось удивительным, восстановленное в памяти время переселений пробудило и положительные воспоминания у моих собеседников-хантов. Это объяснимо тем, что на Васюгане никогда не было так много поселений, как в то время, а в поселениях никогда не было столько работы, заводов, как тогда. Важнейшим пунктом воспоминаний хантов является и то, что они сами значительно обеднели в период переселений. Помимо реквизиции скота в колхоз, ханты также столкнулись с трудностями в рыболовстве и охоте. Переселенцы полностью освоили территории, которые ранее были местом жительства и охоты хантов. Местность стала перенаселенной, её жизненный потенциал перестал удовлетворять в несколько раз выросшее население. Резко выросло количество желающих выжить за счет охоты, или получить дополнительную прибыль от неё, что сократило число диких животных.

Из моего анализа станет очевидно, что ханты и переселенцы были в очень тесных отношениях и значительно влияли друг на друга. Система взаимоотношений абсолютно не являются частью официальной, публичной памяти региона, но многогранна в личной памяти и спецпереселенцев, и хантов. Какофония в воспоминаниях является следствием различного личного опыта, различных позиций воспоминаний, различных нарративных стратегий. Это не нарушение системы, а система нарушений.

Стоит задуматься и о том, чем еще можно объяснить, что судьба хантов сложилась таким образом. Как мы видели, за время переселений на Васюган привезли несколько десятков тысяч человек, которые нуждались практически во всём. Этот огромный людской поток, бесповоротно изменивший демографические условия на Васюгане, был не пышущим силой, побуждающим к сопротивлению большинством, а слабая, зависимая масса нуждающихся людей. Этому большинству невозможно было идти наперекор, скорее к переселенцам испытывали жалость, сочувствие, желание помочь.

По моему убеждению, в этих историях прекрасно прослеживается динамика, определившая взаимоотношения коренного населения и переселенного в Западную Сибирь ставшего большинством общества в середине 20-го века, и это служит основой сложившейся сегодня между ними системы отношений.